

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ И ПРИКЛАДНОЙ ЛИНГВИСТИКИ (КАЗАХСТАН),

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ (РОССИЯ)
КАФЕДРА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ И ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ

Материалы X Международной
научно-практической конференции

г. Екатеринбург, 2022

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
НАО «ЕВРАЗИЙСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ГУМИЛЕВА»**

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУВО «УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГОРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

**ТЕКСТ В СИСТЕМЕ ОБУЧЕНИЯ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРЕ**

**Екатеринбург
2022**

УДК 81'42
ББК 81.2-5
Т 32

Редакционная коллегия:

Е.А. Журавлёва (отв. ред., Казахстан), Л.Г. Юсупова (отв. ред., Россия),
Ж.А. Джамбаева, Г.К. Аюпова, Д.С. Ташимханова (Казахстан)

Т 32 Текст в системе обучения русскому языку и литературе:
материалы X Международной научно-практической конференции / Отв.
ред. Е.А. Журавлёва, Л.Г. Юсупова. – Екатеринбург: Изд-во УГГУ, 2022. –
360 с.

ISBN 978-5-8019-0535-8

Сборник содержит статьи участников X Международной научно-практической конференции «Текст в системе обучения русскому языку и литературе», организованной по инициативе кафедры теоретической и прикладной лингвистики ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (Казахстан) совместно с кафедрой иностранных языков и деловой коммуникации УГГУ (Россия). Материалы посвящены тексту как объекту лингвистического исследования, его функционированию в поликультурном пространстве, интерпретации художественного текста, отражению в тексте русской культуры, внедрению новых информационных технологий в преподавание русского языка и литературы.

Издание предназначено широкому кругу научных работников и преподавателей, а также докторантам, магистрантам и студентам, интересующимся проблемами исследования текста.

УДК 81'42

ISBN 978-5-8019-0535-8

© Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, 2022

© Уральский государственный горный университет, 2022

© Авторы, постатейно, 2022

3. Məmmədova N.K. Azərbaycan dilində fel şəkillərinin semantikasi. Avtoreferat, Bakı, 2000. 23 s.

4. Багиров А.А. Грамматическая стилистика азербайджанского языка. Автореф.... докт. дисс. Баку, 1984. 50 с.

5. Мороховский А.Н., Воробьева О.П. Стилистика английского языка. Киев: Вища школа, 1984. 271 с.

УДК 81'42

ТИПЫ НЕЭТИКЕТНОГО МЕДИА-РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ КОММУНИКАНТОВ В СЕТЕВОМ ОБЩЕНИИ

Нуртазина М.Б., Кусаинова Т.С.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева

г. Нур-Султан, Казахстан

В статье рассматриваются способы и языковые средства выражения речевой агрессии в современной интернет-коммуникации. В качестве предмета исследования предложены языковые и метаязыковые явления, иллюстрирующие эксплицитные и имплицитные формы и способы проявления речевой агрессии в текстах комментариев в Интернете, ценностные приоритеты общества.

Ключевые слова: неэтикетное медиа-речевое поведение, речевая агрессия, Интернет-коммуникация, язык вражды, новая аксиосфера.

TYPES OF UNETHICAL MEDIA-SPEECH BEHAVIOR OF COMMUNICANTS IN NETWORK COMMUNICATION

The paper discusses the ways and language means of expressing verbal aggression in modern Internet communication. Linguistic and metalinguistic phenomena are proposed as the subject of the study, illustrating the explicit and implicit forms and methods of manifestation of verbal aggression in the texts of comments on the Internet, the value priorities of society.

Keywords: non-etiquette media speech behavior, speech aggression, Internet communication, hate speech, new axiosphere

Постановка проблемы. В контексте современного межличностного общения в цифровой среде наиболее значимой становится проблема оптимизации речевой коммуникации в связи с необходимостью анализа типов неэтикетного медиа-речевого поведения коммуникантов в сетевом общении как сложного многоаспектного явления в соответствии с критериями корректного общения, а также со стратегией вежливости, толерантности, стилистически маркированных языковых и речевых средств с точки зрения этичности их употребления [1; 2]. Широкое распространение виртуальной коммуникации с помощью социальных сетей, чатов, блогов и правил этикетного поведения приводит к тому, что видоизменяются и ценностные приоритеты современного общества и речевого этикета под влиянием экстралингвистических и геополитических условий и аксиологической картины мира.

Процессы Интернет-коммуникации, как и любой коммуникации, требуют соблюдения норматив речевого взаимодействия и позитивной коммуникации [4], так как распространенные возможности свободы слова и анонимности нарушают нравственные и языковые нормы: свобода слова и анонимность цифровой реальности часто приводят к неблагоприятным последствиям; в бытовом и институциональном общении стали преобладать грубые выражения, оскорбительные выпады, использование большого количества жаргонов и инвективов с акцентированием речевой агрессии

(далее – РА) и чувства речевой эмоции и переживаний в виде «токсичных отношений» в интернет-коммуникации и «языка вражды» [7] как «всесильной» (термин А.П. Сковородникова [6], особенно в текстах комментариев к текстам и высказываниям в Интернете. Коммуниканты в виртуальной интеракции «переходят на личность» для усиления негативного оценочного компонента в плане передачи оскорбления, унижения, психологического выражения насилия для усиления и интенсификации своего собственного авторитета и самооценки как катализаторы социальных и политических конфликтов.

Формируются «новая аксиосфера» [3], новые аксиомы речевого поведения и «дискурс новой чувствительности» [3: 147], которые способствовали необходимости изучения конфликтных лингвистических аспектов изучения Интернет-коммуникации и их систематизации.

Результаты исследования и обсуждение. Коммуникативная и этическая неосведомленность, произвольное нарушение (даже неконтролируемое) и сбой самого процесса норм общения не всегда осознаются участниками речевой интеракции. В связи с этим можно выделить эксплицитную (открытую, осознанную) и имплицитную (скрытую, неосознанную) формы агрессивного намерения коммуниканта: сознательное проявление РА – угрозы, оскорбления, прямые речевые атаки и нападения на адресата – обычно возникают в ситуации обиды, открытого демонстративного проявления негативного отношения к другому коммуниканту, когда инициатор интеракции использует в такой ситуации пейоративную лексику, дисфемизмы. Неосознанное (скрытое) проявление РА возникает в ситуации, когда инициатор коммуникации пытается вызвать у адресата негативные чувства и эмоции, причем, скорее всего, когда у самого адресанта не было злого умысла и намеренной цели оскорбить. Но тем не менее реципиент может воспринимать такое речевое высказывание с использованием метафор, эпитетов, устойчивых выражений для передачи

отношения к сложившейся ситуации как агрессивный выпад, который наносит ему душевный и моральный вред и перманентное травматическое стрессовое расстройство. Такое «векторное изменение» всего коммуникативного акта приводит к удачной / неудачной интерпретации коммуникативного процесса, например: *«влепить звонкую оплеуху кому-то»; «продолжать лить поток грязи на уехавших, которых дальше выбросят с потрохами на помойку, и будут они побираться».*

Как факт речевой коммуникации неэтичное медиа-речевое поведение может рассматриваться в рамках функционального подхода к языку, а потому можно говорить о коммуникативно-дискурсивном подходе, дискурсивных показателях, об интенциональном и коммуникативно-прагматическом аспектах. Так, коммуникативно-дискурсивный подход так или иначе влияет на коммуникативные, аксиологические и когнитивные аспекты речи, способствует постановке общих принципов, которыми обычно говорящий руководствуется при реализации того или иного вида речевого поведения, которое переплетается с социальными и психологическими факторами. Дискурсивные показатели деструктивности РА связаны с сознательным намерением коммуниканта с целевой установкой воздействия на адресата: это могут быть различные стратегии негативного отношения, некооперативного речевого поведения, манипуляция и конфликт. В этом ракурсе в коммуникативном процессе каждый из участников вносит свое видение, свою роль, имеет свои ценностные ориентиры речевого поведения (деструктивные или гармоничные). Поэтому РА, или преднамеренная деформация, в межличностной коммуникации можно рассматривать как нарочитое «вторжение» в личное аксиологическое пространство адресата для навязывания своего собственного сценария развития действия и получения нужного перлокутивного эффекта. В этом случае адресант изменяет предмет речи в удобную для него (негативную) сторону и с негативной модальностью.

По нашему глубокому убеждению, следует говорить о наиболее типичных арсеналах проявления РА на лексико-семантическом и грамматическом языковых уровнях. Так, лексико-семантический уровень РА возможно представить несколькими группами явлений с обязательным выражением эмоций и чувств, которые становятся в цифровой среде открытыми и публичными. Особенно тогда, когда в ядерную зону нашего языкового сознания входят лексемы и словосочетания, описывающие эмоции, переживания, чувства. Приведем примеры использования таких номинаций из социальных сетей. Лексемы и выражения агрессии, типа «*токсичный*» и по отношению к субъекту, и даже неодушевленным предметам, выражают скрытое воздействие на людей без учета их интересов, нарушая личные границы людей, манипулируя ими. Как правило, после общения с такими людьми может появляться чувство усталости, подавленности, раздражения и истощения, как после встречи с «энергетическим вампиром». Такая некомфортная ситуация и в самом деле отравляет жизнь людям, заставляет чувствовать себя «выжатым лимоном», например: *токсичный человек; токсичные партнеры и отношения; токсичный выброс, токсичность американской и европейской валюты; токсичные объятия; токсичная позитивность; токсичные фантики; токсичный персонаж из мультфильмов; токсичная нефть; бывают токсичные союзы, когда партнеры страдают, но по привычке держатся вместе.*

Представленные «лингвокреативные» возможности реализации виртуальной языковой личности могут быть идентифицированы в виде использования жаргонов и креативов, в которых преобладают суффиксы субъективной и негативной оценки, наделяющие сообщение оттенками ироничности, презрения, пейоративности [1; 5; 6; 2], например: *мерзотная либерота; фильтруй хрюканину; шоу фрики; быдлота; хитрожопые; плебеи с низким интеллектом; монстрик, хитрющий проходимец; ублюдки*

и выродки; матерное послание; жизнь, спущенная в унитаз; доллар скукожился; националистическое отребье; по нему тюрьма плачет; ни одной извилины в голове; человек-хайп; эпатажный шоумен и балабол; незамутненный идиотизм; провинциальная истеричка; глупый, лживый, как пень; эстрадные пустышки бездыханные и жевательные; ценители лягушек, ливера и макарон; трансвестит со звездой.

Феномен представленных посредством морально-нравственной риторики в виде инвективной лексики направлен на дискредитацию адресата, на создание постоянного внутреннего напряжения, страха, депрессии, поэтому воспринимается как оскорбительный и противоречащий нормам общественной морали. Часто коммуникант озвучивает мотивы, которые побудили его распространить оскорбительные высказывания, выражения собственных эмоций и чувств по поводу событий, которые происходят в настоящее время и связанного с ними поведения людей. Как видим, именно язык становится инструментом выражения эмоций и переживаний, например, а) пейоративные выражения с оценочной семантикой в виде использования глаголов с осуждающим значением упрёка, претензии в отношении адресата: *«А если ты обосрал свою страну, у тебя должны быть яйца. Завяжи свои яйца в тугой узел и скажи: «Я не с вами!»; «ты ведешь себя как бытовой инвалид и быдла»;* б) экспрессивные синтаксические конструкции с дифференциальными функциональными оттенками для выражения скептицизма и сомнения в отношении интеллектуальных или физических способностей адресата: *«Он никогда не сможет вести такую программу; он не вписывается в формат, а может вполне стать ведущим какого-нибудь фрик-шоу в интернете, его ниша – это трэш и эпатаж»;* в) зоосемантические метафоры для некорректного сравнения с животными: *«Ты прекрати тьявкать, брехливый и бездомный пёс»;* *«Ты был и остаешься быдлотой. По тебе тюрьма плачет, правильно я понимаю?»;* г) ирония, угрозы и проклятия по

отношению к реципиенту: *«Не брызгай слюной, прояви перед быдлом величие! Убирайтесь все во все четыре стороны! Без вас обойдемся!»*.

Итак, описание дискурса РА необходимо проводить в разных аспектах с учетом выражения чувств, переживаний и эмоций, интенции к самопрезентации, с последующим описанием жанров виртуального дискурса: флейм, флуд, троллей, стёба. Коммуникативно-дискурсивный подход способствует постановке общих принципов, которыми обычно говорящий руководствуется при реализации того или иного вида речевого поведения в РА, влияет на коммуникативные, аксиологические и когнитивные аспекты речи. Следует также учитывать, что высказывания с оценочным значением РА могут содержать в себе разные типы и виды вербальной агрессии и даже целую группу.

Библиографический список

1. Власов М.С., Сычев О.А. Сетевой жаргон в задаче лексического решения: связана ли скорость визуального распознавания слов с проблемным использованием интернета среди молодежи? // Вестник ТГУ. Филология. 2021. № 74. С.5-27.
2. Глазко П.П. Экспрессивность как критерий дифференциации персонального дискурса в медийном пространстве США // Общество. Коммуникация. Образование. Т.12. №1. 2021. С. 46-55.
3. Кошкарова Н.Н. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. 2019. №5 (77). С. 147-152.
4. Позитивная коммуникация: коллект монография /Леонтович О.А., Гуляева М.А., Лунёва О.В., Соколова М.С.). М.: Гнозис, 2019. 296 с.
5. Сковородников А.П. О сверхсильной речевой агрессии и ее модальном антиподе // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 12-21.
6. Черкасова М.Н. Медиасобытие и медиаобраз с точки зрения медиалингвистики и медиакритики (на примере языка вражды) // Научные ведомости. Сер. Гуманитарные науки. 2010. №18 (89). Вып. 7. С. 250-257.